

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 64-73.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1): 64-73.

Научная статья
УДК 314.5

СТУДЕНТЫ О ДЕТЯХ, СЕМЬЕ И РОДИТЕЛЬСТВЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Татьяна Викторовна Блинова

Институт аграрных проблем – обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. На основе сопоставления результатов исследования репродуктивных установок молодежи, представленных в отечественной и зарубежной литературе, анализа данных пилотного опроса студентов аграрного университета, проведенного в Саратове (ноябрь-декабрь 2020 г.), исследованы ценностные ориентации и определено место детей в иерархии ценностей молодежи. Изучены представления об идеальном количестве детей в семье, выявлены гендерные и сельско-городские различия, особенности отношения к модели «childfree» (добровольной бездетности), оценено влияние пандемии Covid-19 на принятие решения о рождении ребенка.

Ключевые слова: репродуктивные установки, студенты, сельско-городские и гендерные различия, пилотный опрос, пандемия Covid-19.

Для цитирования: Блинова Т.В. Студенты о детях, семье и родительстве в период пандемии Covid-19: сельско-городские сопоставления // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 64-73.

Original article

STUDENTS ON CHILDREN, FAMILY AND PARENTING DURING THE COVID-19 PANDEMIC: RURAL-URBAN COMPARISONS

Tatyana V. Blinova

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal
State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences,
Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. Based on a comparison of the results of a study of the reproductive attitudes of young people presented in domestic and foreign literature, an analysis of data from a pilot survey of students of an agricultural university conducted in Saratov (November-December 2020), value orientations were studied and the place of children in the hierarchy of youth values was determined. The ideas about the ideal number of children in a family were studied, gender and rural-urban differences were identified; the peculiarities of attitudes towards the “childfree” model (voluntary childlessness), the impact of the Covid-19 pandemic on the decision to have a child was assessed.

Keywords: *reproductive attitudes, students, rural-urban and gender differences, pilot survey, Covid-19 pandemic.*

For citation: *Blinova T.V. Students on children, family and parenting during the COVID-19 pandemic: rural-urban comparisons // Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1):64-73.*

Введение.

Второй демографический переход [1-3] сопровождается трансформацией социального института семьи, радикальными переменами в семейно-брачных отношениях и репродуктивном поведении семей в экономически развитых и большинстве развивающихся стран. Как и во всем мире в России меняются формы и модели семейно-брачных отношений, повышается их многообразие, появляются новые семейные практики [4, с. 240]. Институт брака претерпел глубокие потрясения [5], сопровождаемые растущей терпимостью общества к добравачному сексуальному поведению и внебрачному деторождению [6]. Большая часть внебрачных деторождений приходится на неформальные союзы, при этом их стабильность ниже по сравнению с официальными союзами с детьми [7]. «Сомнения в надежности отношений с неофициальными партнерами приводят к откладыванию рождения детей» [8, с.26], что формирует предпосылки снижения рождаемости. Многие авторы справедливо считают, что «брачное поведение современных россиян принципиально не отличается от брачного поведения жителей западных стран, где количество браков снижается, на их место приходит сожительство, а также растет число разводов» [9, с.74].

Глобальным трендом второго демографического перехода является «старение рождаемости» («старение материнства»), сопровождаемое повышением возраста вступления в первый брак и возраста рождения ребенка. «Старение материнства» является следствием повышения длительности протогенетического интервала, то есть интервала между вступлением в брак (зарегистрированный или нет) и рождением первого ребенка» [10, с. 6]. Увеличение возраста вступления в брак и более позднее рождение ребенка свидетельствует о расширении практики «отложенного родительства», которое все больше становится итогом личного выбора, как женщин, так и мужчин. Кроме того, увеличилось число семейных пар, сознательно отказавшихся от рождения детей и продолжения рода (child free). Повышение возраста вступления в первый брак, рост «отложенных деторождений», а также сознательная бездетность привели к значительному снижению рождаемости [11,12]. Спаду рождаемости способствовало также стремление женщин получить хорошее образование и достойную работу. Рост участия женщин в составе рабочей силы во всех развитых странах и большинстве развивающихся сопровождался распространением малодетности и бездетности [13]. Для молодежи повысилась значимость личного выбора на фоне ослабления социального контроля, как со стороны представителей старших поколений, так и со стороны мужчин над женщинами. В экономически развитых странах резко сократилась доля домохозяйств, состоящих из представителей разных поколений, что снизило влияние старших на принятие решений молодыми людьми [14]. Вместе с развитием информационных технологий и социальных сетей молодежь экономически развитых и развивающихся стран активно осваивала новые формы общения [15].

Таким образом, в России, как и других странах, происходят фундаментальные демографические изменения, связанные с трансформацией института семьи, повышением многообразия форм семейной жизни, возрастанием роли «индивидуального выбора» и конкуренций многообразных потребностей, когда потребность в детях уже не является наиболее значимой. «Меняется не только институт семьи, исследователи фиксируют расширяющееся разнообразие семейных жизненных путей в XXI в.» [16, с.48].

Цель исследования – провести сельско-городские сопоставления и выявить различия в отношении студенческой молодежи к современной семье, определить место детей в иерархии ценностей сельчан и горожан, понять представление об идеальном и желаемом количестве детей, выявить гендерные и сельско-городские различия и особенности восприятия мо-

дели «childfree», оценить степень влияния пандемии Covid-19 на рождаемость. Актуальность исследования подтверждается тем, что «именно в период студенчества необходимо целенаправленное воздействие на процессы развития у молодежи представлений о семье, формирование репродуктивных установок и установок на родительство в целом» [17, с.126]. Исследование репродуктивных установок и предпочтений современной молодежи позволяет понять направления дальнейшего демографического развития сельских и городских территорий.

Материалы и методы.

Эмпирическая база исследования представлена данными прикладного пилотного социологического исследования, проведенного ИАгП РАН. Методом сбора информации являлся дистанционный анкетный опрос студентов Саратовского государственного аграрного университета им. Н. И. Вавилова в ноябре-декабре 2020 г. Всего было опрошено 230 студентов, но после контроля и отбраковки осталось 216 анкет. В числе опрошенных - 65 человек в возрасте 17-19 лет (30,1%), 106 лиц 20-21 года (49,1%) и 45 человек в возрасте 22-25 лет (20,8%). В составе выборки 78 мужчин (36,1%) и 138 женщин (63,9%). В сельской местности родилось и проживало до поступления в аграрный университет 66 студентов (31,4%), горожанами являются 144 респондента (68,6%). Валидных наблюдений по признаку «место рождения» 210, т.к. 6 анкет заполнены зарубежными студентами, указавшими только страну проживания. Анкета включала блоки вопросов, связанных с изучением ценностных ориентаций, репродуктивных установок и предпочтений, выяснением отношения к сознательной бездетности семей и отказу от продолжения рода, оценкой влияния пандемии Covid-19 на принятие решения о рождении ребенка. Обработка результатов пилотного опроса проведена с использованием пакета прикладных программ SPSS 17.0.

Результаты исследования.

Прежде всего, были исследованы ценностные ориентации молодых сельских и городских мужчин и женщин, выявлены их представления об идеальном и желаемом количестве детей в семье. Изучено отношение студентов к сознательной бездетности, обсуждались предпочтительные для современной молодежи модели семьи и причины низкой рождаемости в России, рассматривались варианты влияния пандемии Covid-19 на рождаемость.

Иерархия ценностей. Исследователями доказано, что «репродуктивные намерения и оценка условий их реализации в значительной мере определяются ценностными ориентациями молодежи» [18, с. 92]. В статье проанализирована иерархия ценностей респондентов с учетом места проживания до поступления в аграрный университет, и составлен рейтинг (табл. 1).

Результаты исследования показали, что в иерархии жизненных ценностей сельских юношей семья с детьми стоит на первом месте, в отличие от городских, где она занимает шестое место после здоровья, свободы, работы по душе, реализации способностей, профессионального успеха. В иерархии жизненных ценностей молодых женщин, как городских, так и сельских, семья с детьми на пятом месте. На первом и втором находятся здоровье и внутренний комфорт (гармония с собой), затем профессиональный успех (или материальная обеспеченность) и работа по душе.

Таким образом, как показали результаты исследования, семья с детьми для большинства студентов не является ценностью первостепенной важности. Исследования, проведенные другими авторами, свидетельствуют, что только 18% молодежи видят радость жизни в детях, около 47% с той или иной категоричностью отвергают традиционные установки на детность как залог личного, семейного счастья [19]. По мнению молодежи, рождение ребенка привносит в жизнь больше трудностей, чем позитивных изменений, что провоцирует рационализм и прагматизм индивидуальных репродуктивных установок молодого поколения [19]. Данные, полученные многими авторами, дают понять, что «высокооплачиваемая работа и материальная обеспеченность, высокий социальный статус, активный и многообразный досуг занимают ведущие позиции социальных установок и ценностных ориентаций современного человека» [20, с 40].

Таблица 1 – Гендерные различия в иерархии жизненных ценностей студентов в зависимости от места постоянного проживания до поступления в университет

N	Мужчины		Женщины	
	Село	Город	Село	Город
1	Семья, дети	Здоровье	Здоровье	Гармония с собой, внутренний комфорт
2	Здоровье	Свобода	Гармония с собой, внутренний комфорт	Здоровье
3	Свобода	Работа по душе	Профессиональный успех, карьера	Материальная обеспеченность
4	Общение с друзьями	Реализация способностей	Работа по душе	Работа по душе
5	Яркая, насыщенная событиями жизнь	Профессиональный успех, карьера	Семья, дети	Семья, дети
6	Работа по душе	Семья, дети	Получение от жизни удовольствия	Профессиональный успех, карьера
7	Образование	Гармония с собой, внутренний комфорт	Материальная обеспеченность	Свобода
8	Получение от жизни удовольствия	Образование	Свобода	Реализация способностей
9	Материальная обеспеченность	Яркая, насыщенная событиями жизнь	Реализация способностей	Получение от жизни удовольствия
10	Профессиональный успех, карьера	Материальная обеспеченность	Образование	Образование
11	Гармония с собой, внутренний комфорт	Получение от жизни удовольствия	Яркая, насыщенная событиями и жизнь	Яркая, насыщенная событиями жизнь
12	Путешествие и познание мира	Общение с друзьями	Общение с друзьями	Путешествия и познание мира
13	Реализация способностей	Путешествия и познание мира	Путешествия и познание мир	Общение с друзьями
14	Высокий социальный статус (власть, престижная работа, уважение)	Высокий социальный статус (власть, престижная работа, уважение)	Высокий социальный статус (власть, престижная работа, уважение)	Высокий социальный статус (власть, престижная работа, уважение)

Репродуктивные установки. Сохраняются различия между репродуктивными установками мужчин и женщин, выросших в городской и сельской местности. Полученные результаты свидетельствуют, что репродуктивные установки молодых сельчан выше, чем горожан, а мужчин выше, чем женщин. Проведенное исследование показывает, что сельские мужчины считают идеальным иметь в семье более двух детей (2,27), что является максимальным числом детей среди опрошенных студентов, а в качестве желаемого количества детей они назвали 2,5 ребенка (городские мужчины – 2,0 и 2,02 соответственно). У сельских женщин среднее идеальное число детей составляет 2,11, в то время как желаемое – 2,17. Меньше всего детей в семье хотят иметь горожанки, идеальным и желаемым они назвали наличие одного-двух детей (1,93 и 1,9). Желаемое количество детей в семье отражает репродуктивные предпочтения мужчин и женщин, проживающих в городской и сельской местности. Следует обратить внимание на то, что молодые мужчины, как сельские, так и городские, в отличие от женщин, желали бы иметь больше детей, чем считают идеальным.

Сельско-городские различия выявлены также при анализе мнения респондентов о мерах поддержки семей с детьми и стимулирования роста рождаемости. Как показывают результаты опроса, выходцы из села чаще горожан считают, что росту числа детей в семье могло бы способствовать увеличение зарплаты работающих членов семьи (87,9% и 79,2%), улучшение жилищных условий (71,2% и 58,3%), улучшение медицинского обслуживания детей (50,0% и 34,7%), увеличение ежемесячного пособия на ребенка до величины прожиточного минимума (48,5% и 38,9%), а также увеличение размера материнского капитала до 1 млн. рублей (33,3% и 27,1%). Молодые горожане считают важными такие меры, как повышение доступности и качества образования (52,1% при среднем значении по выборке 50,0%), гарантии трудоустройства матерей (31,9% при среднем значении 31,0%). Нельзя не заметить,

что выходцы из села, в особенности мужчины, в большей мере поддерживают те инструменты, которые направлены на улучшение условий жизнедеятельности семей с детьми. Меры, связанные с повышением заработной платы и пособия на детей, также как и размера материнского капитала, выполняют компенсирующую функцию, частично возмещая расходы, связанные с рождением, воспитанием детей и ответственным родительством. В гораздо меньшей мере они выполняют стимулирующую функцию, особенно для городских женщин. Создание условий для совмещения материнства и занятости, комплексное развитие социальной инфраструктуры детства, создание среды, доброжелательной к семье с детьми, а также формирование потребности молодежи в детях являются не менее важными направлениями социальной политики [21].

Отношение к добровольной бездетности. Особое беспокойство и научный интерес вызывают тенденции, связанные с расширением сторонников и сочувствующих добровольной бездетности – модели семьи «childfree» [22]. Данные опроса российских женщин до 45 лет и мужчин до 55 лет о желаемом и ожидаемом числе детей, проведенного Левада-Центром в 2019 г., показали, что 39% планируют иметь двоих детей, 27% - одного, 13% - троих, 5% четверых и более, а 9% респондентов предпочли бы остаться бездетными [23]. В России добровольная бездетность и отказ от продолжения рода не являются массовыми, но получили поддержку отдельных социальных групп. В Интернете активно обсуждаются достоинства семьи без детей, продвигаются ценности модели childfree [24]. По данным нашего опроса большинство молодых сельчан (78,8%) и горожан (69,4%) указали на нейтральное отношение к людям, которые сознательно не хотят иметь детей, считая, что такой выбор – это их личное дело (табл.2).

Таблица 2 – Сельско-городские различия в субъективной оценке студентов модели «childfree», % от соответствующей группы

Отношение к людям, которые не хотят иметь детей	Село	Город	Среднее по выборке
Положительное, в чем-то я их понимаю	6,1	22,2	17,1
Нейтральное, это их личное дело	78,8	69,4	72,7
Отрицательное	9,1	2,8	4,6
Трудно сказать	6,0	5,6	5,6

Как показывают данные таблицы 2, положительно относятся к отказу от продолжения рода 6,1% молодых сельчан и 22,2% горожан, которые подчеркнули, что в чем-то их понимают. Отрицательное отношение характерно для 9,1% сельских и 2,8% городских студентов, остальные затруднились с ответом. Если рассматривать гендерные различия, не учитывая место рождения, то девушки чаще юношей положительно относятся к сознательной бездетности и добровольному отказу от продолжения рода (22,2% и 7,7% соответственно). Только 5,8% девушек и 2,6% молодых людей указали, что отрицательно относятся к людям, не желающим иметь детей.

Отношение к выбору модели семьи. Результаты опроса показывают, что современное поколение, в особенности городская молодежь, больше тяготеет к эгалитарной модели семьи, которая функционирует на основе гендерного равноправия и равноценного участия каждого в жизни семьи (табл.3).

Таблица 3 – Сельско-городские различия в выборе модели семьи, % от соответствующей группы

Предпочитаемая модель семьи	Село	Город	Среднее по выборке
Женщина – хранительница семейного очага, мужчина – добытчик	21,2	9,8	13,1
Каждый делает то, что у него лучше получается	10,6	18,2	16,8
В семье должно быть равноправие и все обязанности – поровну	68,2	72,0	70,1

По данным таблицы 3 68,2% выходцев из села и 72,0% горожан считают, что в семье должно быть равноправие, в том числе и в распределении обязанностей. Около 10,6% моло-

дых сельчан и 18,2% горожан убеждены, что в семье каждый должен делать то, что у него лучше получается. Сторонниками традиционного распределения ролей в семье, когда мужчина зарабатывает деньги, а женщина занимается воспитанием детей и ведением домашнего хозяйства, являются 21,2% молодых сельчан. Для молодых горожан такая модель уже не привлекательна, лишь 9,8% сделали выбор в пользу традиционной модели. Полученные нами данные согласуются с результатами исследования других авторов, которые на основании мониторинга репродуктивного потенциала населения эмпирически подтвердили, что молодые супруги склоняются к равенству полов, признают совместное равноценное участие супругов в семейной жизни, что говорит о формировании в молодежной среде нового стереотипа распределения семейных обязанностей [25]. При этом, как свидетельствуют результаты исследований, проведенных различными авторами, женщины чаще мужчин демонстрируют новые модели ролевого поведения, которые корректируют традиционные гендерные отношения [26, 27].

Влияние пандемии Covid-19. «Вопрос о влиянии пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 на демографическую ситуацию в России представляется особенно важным в контексте продолжающейся в стране депопуляции» [9, с. 72].

Таблица 4 - Сельско-городские различия в оценке влияния пандемии Covid-19 на рождаемость, %

Реализуют ли свои планы семьи, решившие завести детей, в период пандемии Covid-19?	Село	Город	Среднее по выборке
Думаю, да	55,4	52,9	53,7
Думаю, нет	44,6	47,1	46,3

Анализ мнения опрошенных студентов позволяет сделать вывод, что выходцы из сельской местности чаще, чем горожане считают, что семьи, решившие завести детей, обязательно реализуют свои планы, несмотря на пандемию Covid-19 (55,4% и 52,9%). В то же время 44,6% выходцев из села и 47,1% горожан убеждены, что в период пандемии Covid-19 репродуктивные намерения тех семей, которые планировали завести ребенка, не будут реализованы. Анализ гендерных различий показывает, что женщины чаще мужчин склоняются к мысли, что эти семьи вне зависимости от сложившихся обстоятельств решатся на рождение детей в период пандемии (56,7% против 48,1% среди мужчин).

Мужчины чаще думают, что это произойдет из-за любви к своей семье и детям (61,8% по сравнению с 52,1% среди женщин). Девушки считают, что, кроме любви к семье, объяснением может быть желание продолжения отношений с партнером (50,7% по сравнению с 38,2% среди мужчин). Причинами могут стать как возросшее свободное время в самоизоляции (20,6% мужчин и 11,0% женщин), так и потребности в позитиве (8,8% мужчин и 6,8% женщин). Главными причинами «отложенных деторождений», по мнению женщин, является неопределенность влияния пандемии Covid-19 на беременность и будущего ребенка (51,8% по сравнению с 47,5% среди мужчин) и опасения относительно трудностей получения медицинской помощи, связанной с беременностью, вовремя и в полном объеме (48,2% и 45,0% соответственно). По мнению мужчин, основной причиной отказа от запланированного рождения детей, являются опасения экономических последствий пандемии, в частности, возможной потери работы и снижения стабильности доходов (65,0% мужчин и 57,1% женщин). Наличие феномена «отложенного родительства» дает основание предположить, что вместе с завершением пандемии Covid-19 последует компенсаторный рост рождаемости. В связи с чем, возможно, удастся избежать глубокой «демографической ямы» в том числе «за счет реализации отложенных рождений после окончания пандемии» [28, с. 151]. Исследователи подчеркивают, что «вопрос о влиянии пандемии Covid-19 на брачное поведение и репродуктивные установки российских женщин является крайне актуальным с точки зрения корректировки будущих демографических прогнозов» [9, с. 74].

Заключение.

В статье исследованы ценностные ориентации студентов в возрасте 17-25 лет, представления об идеальном количестве детей в современной семье, репродуктивные установки и отношение к «модели childfree», выполнены сельско-городские сопоставления. Подтвержден эффект «отложенного родительства» и доказано влияние пандемии коронавируса Covid-19 на принятие решения о рождении ребенка. Эмпирическая база представлена данными пилотного опроса студентов в ноябре-декабре 2020 г. Несмотря на то, что большая часть студенческой молодежи по данным опроса хотела бы создать семью, «дети и родительство» не вошли в число наиболее значимых ценностей городской молодежи. Полученные результаты свидетельствуют, что репродуктивные установки сельских студентов выше, чем городских, в особенности молодых мужчин, которые до поступления в аграрный университет проживали в сельской местности. В то же время многие молодые горожанки считают, что замужество и рождение детей мешают профессиональной карьере, экономической независимости женщины, возможности самореализации. Проведенное исследование показывает, что фундаментальные перемены, происходящие в России, связанные с изменением репродуктивных установок городской и сельской молодежи, понижением места детей в иерархии социальных ценностей, толерантным отношением к добровольной бездетности, находятся в контексте системных изменений демографического перехода, который является глобальной закономерностью, затрагивающей большинство стран мира.

Влияние пандемии Covid-19 на рождаемость, как показали исследования, проявляется, во-первых, в отказе от родительства и продолжения рода. Во-вторых, в наличии «отложенных деторождений», формирующих краткосрочный потенциал роста рождаемости в постпандемический период. Результаты исследования мнений студенческой молодежи, как юношей, так и девушек, о ценности семьи, детей, родительства, влиянии пандемии Covid-19 на рождаемость могут быть полезны для разработки региональных программ поддержки молодых семей с детьми и стратегии демографического развития сельских территорий.

Список источников

1. Lesthaeghe, R. The second demographic transition: A concise overview of its development. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014;(111):18112–18115.
2. Van de Kaa D. J. Europe's second demographic transition. *Population Bulletin*. 1987; 42(1): 1–59.
3. Захаров С.В. Рождаемость в России: первый и второй демографический переход // Демоскоп Weekly. - URL: <http://demoscope.hse.ru/zaharov>.
4. Егорова, Шорыгин. Партнерство, семья и родительство в нарративах незарегистрированных пар // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 18 (2). С. 239–254.
5. Cherlin A. Goode's world revolution and family patterns: A reconsideration at fifty years. *Population and Development Review*. 2012;(38): 577–607.
6. Thornton, A., Young-DeMarco, L. Four decades of trends in attitudes towards family issues in the United States: The 1960s through the 1990s. *Journal of Marriage and Family*. 2004;(63): 1009–1037.
7. Manning, W., Smock, P., Majumdar, D. The relative stability of cohabiting and marital unions for children. *Population Research and Policy Review*. 2004;(23): 135–159.
8. Синельников А.Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2. С. 26–39.
9. Смирнов А.В., Храмова М.Н. Влияние пандемии COVID-19 на репродуктивные установки россиянок // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 72–81.
10. Калачикова О.Н., Груздева М.А. Изменения репродуктивного и брачного поведения населения России (на основе анализа выборочных исследований Росстата) // Социальное пространство. 2018. № 2 (14).
11. Casterline, J. Prospects for fertility decline in Africa. *Population and Development Review*. 2017;43(S1): 3–18.

12. Madsen, J., Moslehi, S., Wang, C. What has driven the great fertility decline in developing countries since 1960? *The Journal of Development Studies*. 2018; (54): 738–757
13. Kreyenfeld, M., Konietzka, D. Childlessness in Europe: Contexts, causes, and consequences. *Demographic Research Monographs*. Springer International Publishing. 2017/
14. Taylor, H., Taylor, R., Nguyen, A., Chatters, L. Social isolation, depression, and psychological distress among older adults. *Journal of Aging and Health*. 2018;(30): 229–246
15. Greenwood, J. Evolving households: The imprint of technology on life. *Cambridge MA, The MIT Press*. 2018.
16. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. Т. 21, № 1 (26). С. 31–54.
17. Багирова А.П., Шубат О.М. Семья и родительство сквозь призму мнений студентов // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 126–131.
18. Кучмаева О. В., Золотарева О. А., Гуляев С. Б. Современная российская молодежь: ценностные аспекты реализации репродуктивных намерений // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2021. № 2. С. 92–103.
19. Ивченков С.Г., Ивченкова М.С. Особенности репродуктивных установок современной молодежи: мнения экспертов и реальность // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 11. С. 36–44.
20. Дунаева О. Н. Гендерный ресурс общества: супружество и родительство // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2, № 4. С. 38–49.
21. Блинова Т.В. Отношение сельских женщин к дополнительным мерам демографической политики // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2018. №1. С.18.
22. Белинская Д. В. Социальный портрет чайлдфри // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Общественные науки. 2018. Т. 4, № 13. С. 12—19.
23. Желаемое и ожидаемое число детей (2019) // Левада-Центр. - URL: <https://www.levada.ru/2019/11/25/zhelaemoe-i-ozhidaemoe-chislo-detej/>.
24. Вильданова С. М., Граничная А. А., Мингалиева А. Р., Салыхиева Л. М. Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 192—205.
25. Калачикова О.Н., Груздева М.А. Социальная уязвимость семей с детьми в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 147–160.
26. Клёдина И.С., Иоффе Е.В. Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 72–90.
27. Блинова Т.В., Вялышина А.А. Социальное самочувствие работающих матерей: современные проблемы // Женщина в российском обществе. 2020. №3. С.103–114.
28. Русанова Н.Е. Рождаемость после пандемии: "бэби - бум" или "демографическая яма"? // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2020. № 4. С. 151–159.

References

1. Lesthaeghe, R. The second demographic transition: A concise overview of its development. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014;(111):18112–18115.
2. Van de Kaa D. J. Europe's second demographic transition. *Population Bulletin*. 1987; 42(1): 1–59.
3. Zakharov S.V. Birth rate in Russia: the first and second demographic transition // Demoscope Weekly. - URL: <http://demoscope.hse.ru/zaharov>. (In Russ)
4. Egorova, Shorygin. Partnership, family and parenthood in the narratives of unregistered couples. *Journal of Social Policy Research*. 2020;18 (2): 239–254. (In Russ)

5. Cherlin A. Goode's world revolution and family patterns: A reconsideration at fifty years. *Population and Development Review*. 2012;(38): 577–607.
6. Thornton A., Young-DeMarco L. Four decades of trends in attitudes towards family issues in the United States: The 1960s through the 1990s. *Journal of Marriage and Family*. 2004;(63): 1009–1037.
7. Manning W., Smock P., Majumdar D. The relative stability of cohabiting and marital unions for children. *Population Research and Policy Review*. 2004;(23): 135–159.
8. Sinelnikov A.B. Transformation of marriage and fertility in Russia. *Population*. 2019;(2): 26–39. (In Russ)
9. Smirnov A.V., Khramova M.N. The impact of the COVID-19 pandemic on the reproductive habits of Russian women. *DEMIS. Demographic research*. 2021;1(4): 72–81. (In Russ)
10. Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. Changes in reproductive and marital behavior of the Russian population (based on the analysis of sample studies of Rosstat). *Social Space*. 2018;2 (14). (In Russ)
11. Casterline J. Prospects for fertility decline in Africa. *Population and Development Review*. 2017;43(S1): 3–18.
12. Madsen J., Moslehi S., Wang C. What has driven the great fertility decline in developing countries since 1960? *The Journal of Development Studies*. 2018; (54): 738–757.
13. Kreyenfeld M., Konietzka D. Childlessness in Europe: Contexts, causes, and consequences. *Demographic Research Monographs*. Springer International Publishing. 2017.
14. Taylor H., Taylor R., Nguyen A., Chatters L. Social isolation, depression, and psychological distress among older adults. *Journal of Aging and Health*. 2018;(30): 229–246.
15. Greenwood J. Evolving households: The imprint of technology on life. Cambridge MA, The MIT Press. 2018.
16. Gurko T.A. Theoretical approaches to the study of the transformation of the family institute. *Sociological Journal*. 2020;1(26): 31–54. (In Russ)
17. Bagirova A.P., Shubat O.M. Family and parenthood through the prism of student opinions. *Sociological research*. 2017;(7): 126–131. (In Russ)
18. Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A., Gulyaev S.B. Modern Russian youth: value aspects of the realization of reproductive intentions. *Bulletin of YURSTU (NPI)*. 2021;(2): 92–103. (In Russ)
19. Ivchenkov S.G., Ivchenkova M.S. Features of reproductive attitudes of modern youth: expert opinions and reality. *Alma mater (Bulletin of the Higher School)*. 2020;(11): 36–44. (In Russ)
20. Dunaeva O.N. Gender resource of society: matrimony and parenthood. *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies*. 2016;2(4): 38–49. (In Russ)
21. Blinova T.V. The attitude of rural women to additional measures of demographic policy. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2018;(1):18. (In Russ)
22. Belinskaya D. V. Childfree's social portrait. *Bulletin of the Tambov University. Ser.: Social Sciences*. 2018; 4(13): 12–19. (In Russ)
23. The desired and expected number of children // Levada Center. - URL: <https://www.levada.ru/2019/11/25/zhelaemoe-i-ozhidaemoe-chislo-detej>.
24. Vildanova S.M., Borzhnaya A.A., Mingalieva A.R., Salakhieva L.M. Trends in the spread of childfree values in Russia and their impact on the crisis of the family institution. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2017;(3): 192–205. (In Russ)
25. Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. Social vulnerability of families with children in modern Russia. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2019;12(2):147–160. (In Russ)
26. Kletsina I.S., Ioffe E.V. Norms of female behavior: traditional and modern models. *Woman in Russian society*. 2019;(3): 72–90. (In Russ)
27. Blinova T.V., Vyalshina A.A. Social well-being of working mothers: contemporary problems. *Woman in Russian society*. 2020;(3):103–114. (In Russ)
28. Rusanova N.E. Birth rate after the pandemic: "baby boom" or "demographic pit"? *Bulletin of the Moscow University of Finance and Law*. 2020;(4):151–159. (In Russ)

Информация об авторе

Т.В. Блинова – доктор экономических наук

Information about the author

T.V. Blinova – Doctor of Economic Sciences

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 04.04.2022;
принята к публикации 15.04.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 04.04.2022;
accepted for publication 15.04.2022.*